

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Йозеф Сипко (Прешов)

Антропонимия как наука об именах показывает, что все названия и наименования имеют свою этимологию. Не все данные единицы сегодня сумеем однозначно этимологически объяснить. Название города *Москва* не имеет однозначного толкования (то от корня «москъ» – влажный, то от слова «мост», то от других слов). Волгоград имеет однозначную и понятную семантику. Многие названия гор, рек, деревень, полей, регионов объясняются часто на базе народной этимологии. Другие реалии получили названия от древних народов (*Татра, Матра, Фатра* от кельтов, *Вена, Лондон* от древних римлян).

1. Имена и фамилии людей имеют свою этимологию, исходящую из разных приоритетов. Многие имена в нашем культурном регионе имеют древнееврейское происхождение и обозначают определенную связь с Богом (*Имануил, Михаил* – от древнееврейского *El* – Бог). У народов первобытных, как правило, преобладали имена-характеристики. Они богато представлены в литературе о североамериканских индейцах. Тут часто была определенная связь с животными, которую можно наблюдать и в фамилиях европейских народов – *Лисичкин, Liška, Fuchs; Зайцев, Zajac, Haasse; Волков, Vlk, Volf; Медведев, Medved, Beer*. Видимо, в основу подобных фамилий легла определенная черта характера или качество конкретного человека в прошлом, напоминая некоторые качества соответствующего животного – хитрость, быстрота, сила, жадность. В европейском регионе преобладают фамилии, которые произведены от личных имен отцов. У северных германцев об этом свидетельствует окончание *-son* – *Johnson* – сын John'a, у русских это окончание *-ов* – *Иванов* – сын Ивана. Многие фамилии произошли от названий профессий. В Европе одним из самых распространенных является слово *кузнец* – *Кузнецов, Kováč, Kowalski, Schmidt, Smith*. Также национальность лиц вошла в названия некоторых фамилий – *Немцов, Немчинов, Nemes, Németh, German, English, Inglman, Scot, Polák, Magyar, Rusko*. Представители этнопсихолингвистики (Гачев, 1995) ищут в подобных единицах некоторые черты народа (*Дубинин* – как символ великого народа, *Dubček* – уменьшитель-

ный суффикс будто символизирует психологию малого народа. Аналогично можно составить пары: *Ельцин – Jedlička*, *Кузнецов – Kovalčík*, *Князев – Kňazko*). Как показывает М. Дуйчак (1996, с. 58), имена и фамилии представляют «дуже вдячний матеріал для вивчення історичної національної лексики».

Вышеприведенные примеры показывают, что имена и названия имеют свою многообразную этимологию, которая раскрывает первоначальное их значение – характеристика объекта по одному или нескольким приметам, оценка этого объекта, где, как правило, доминирует положительная или нейтральная оценочность. При этом трудно найти имена, фамилии и названия с отрицательными ассоциациями, хотя имеются и такие – *Юдашкин*, *Sviňa* (деревня в Словакии).

Если исходить из предпосылки, что в каждой фамилии заложена конкретная этимология или авторский замысел по отношению к фамилиям литературных героев, то можно с семантических позиций проанализировать каждую фамилию. В некоторых случаях это дается легко. Фамилия главного представителя романа «Преступление и наказание» Родиона *Раскольников* явно образована от слова *раскол*, которое в русском языке имеет сильные общественно-исторические коннотации (роман «Раскол» В. Личутина, НС. 1996. 3. 4. 5). В других случаях этимологические поиски фамилий литературных героев можно считать лишь догадками. Пушкинского героя *Онегина* некоторые толкуют на основе названия северной реки Онеги, чем объясняется его «холодный» характер. Другие думают, что Пушкин составил фамилию своего персонажа на основе латинского корня 'ego', чем будто бы поэт хотел изобразить эгоизм Онегина. Фамилия лермонтовского героя *Печорина* иногда объясняется названием иной северной реки – Печоры (тоже ассоциация с холодом). Подобные толкования являются лишь гипотезами, но оставляют некоторое свидетельство о возможных языковых процессах.

В данной части мы изложим свою точку зрения относительно встречающихся в русской литературе имен и фамилий литературных персонажей и других названий, а также их перевода на словацкий язык. Вопрос можно сформулировать и следующим образом: целесообразен и функционален ли их перевод? Имеет ли переводчик право переводить данные авторские единицы? Некоторые считают это посягательством на авторские права.

Наши наблюдения показывают, что в основном переводчики используют следующие приемы: транслитерация, частичный перевод и полный перевод данных авторских образований. Переводчик, как прави-

ло, ориентируется на лингвистические и экстралингвистические факторы. Если мы находим перевод фамилии *Скалозуб* из комедии Грибоедова «Горе от ума» как *Zubocer* (скалить зубы – *ceriť zuby*) (Lehutová), это можно считать мастерством переводчика. Этот перевод функционален, так как он приближает отрицательную характеристику данного героя. Но вместе с тем Скалозуб в словацком сознании не имеет того резонанса, какой вызывает, скажем, *Хлестаков* из комедии Гоголя «Ревизор». Ведь от этой фамилии произведено слово *хлестаковщина*, оно употребляется и в словацком языке (*chlestakovčina*). Но мы нашли такой перевод этой фамилии на словацкий язык – *Chvastakov* (Lehutová). Данный словацкий вариант в чисто языковом плане опирается на лексическое значение тех единиц, которые должны характеризовать основные черты Хлестакова (*chvastunstvo*). Нам кажется, что тут переводчик не добился полностью коммуникативного эффекта – фамилия *Хлестаков* стала интеркультурной единицей, как *Дон Кихот*, *Гамлет*, *Швейк*, *Раскольников*, *Чичиков*, *Крузо* и др. Подобные единицы в роли фамилий главных героев выполняют свою функцию в иноязычной среде и без перевода (см. Ferencík, 1982; Hečko, 1991; Popovič, 1975). Интересным кажется сравнение двух переводов одного и того же произведения. Таким образом можно наглядно и ярко продемонстрировать авторские поиски. Напр. чеховские герои – *Прохоров* – *Prachác*, *Puchorov*; *Черняев* – *Čerňajev*, *Černický*; *квартирный Пуговицын* – *policajt Gombik*, *strážník Hrmenbohov*, *Чмыхов* – *Štuchov*, *Nuchov*. Вариативность перевода достигается и путем замены. Немецкая национальность героя подчеркивается собственным именем в оригинале или типичной немецкой фамилией в переводе: *Христиан Иванович* – *Christian Ivanovič* – *pán doktor Hübner*.

Многие авторские фамилии в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» несут оценочно-информативное содержание. Словацкий переводчик (М. Разусова-Мартакова) в той или иной мере находит соответствующий словацкий оценочно-информативный фон. При сравнении его с украинским переводом той же поэмы становится очевидной и степень разницы между русским и словацким и русским и украинским языками. В украинском варианте этого перевода авторские имена и названия почти не меняются:

Князь Щетин – *Князь Щетин* – *Knieža Drúk*; *Васька Гусев* – *Васька Гусев* – *Vaska Gunár*; *Кривоногов* – *Кривоногов* – *Čapták*; *Братья Губины* – *Браття Губини* – *Bratia Hubáci*; *Помещик Обрубков* – *Поміщик Обрубків* – *Statkár Klátokovský*; *Помещик Оболт-Оболдуев* – *Поміщик Оболт-Оболдуєв*; *Утятин князь* – *Утятин князь* – *Knieža Kašacín*.

Данные примеры показывают и на стремление словацкого переводчика наделить и известные русские фамилии экспрессивностью в словацком варианте. Хотя они в русском языке в своей первичной этимологии тоже содержат именно этот экспрессивный оттенок, в современности они звучат как обиходные и довольно распространенные фамилии (Гусев, Кривоногов).

К другим именам принадлежат те, которые можно считать простонародными вариантами, прозвищами: *Корявая Дурандиха – Dora rapavá*. То же самое относится и к именам дворовых людей и слуг – *ключница Авдотья – gazdiná Amála* (Чехов).

2. **Собственные имена животных** имеют также свою национальную специфику. Она функционирует в многих баснях Крылова, но можно с ней встретиться и в других произведениях русской литературы. Крылов, как правило, обезьяну называет *Мартышкой*, что в словацких переводах часто пропускается:

Мартышка, в зеркале увидя образ свой ... – Keď opíca sa kukla do zrkadla... (Strasser). У Салтыкова-Щедрина имеются следующие варианты: *Его (кота) звали Ванькой. – Nazývali ho Vaniskom. – Říkali mu Vaňka*; но в следующем абзаце по отношению к другому коту мы читаем: *рыжий Васька-кот – Rušavý kocúr Maco – Kocour Vasko*. Тут хочется отметить, что словацкий вариант больше соответствует образу медведя.

3. Таким же образом можно сравнить авторские **географические и другие названия**. Мы это можем продемонстрировать тоже на упомянутых единицах из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» В данном случае словацкий переводчик М. Разусова-Мартакова пытается творчески и, на наш взгляд, успешно, перенести на словацкую этнокультурную основу авторские названия. Как известно, уже в прологе поэмы встречаются названия:

<i>Подтянутая губерния</i>	<i>Gubernia Vyškudlá</i>
<i>Уезд Тертигорев</i>	<i>okres Znášajtrápenie</i>
<i>Пустопорожня волость</i>	<i>obvod Prázdnotupstý</i>

и деревни:

<i>Заплатово</i>	<i>Záplatky</i>
<i>Знобишино</i>	<i>Oziabky</i>
<i>Горелово</i>	<i>Vyhorenisko</i>
<i>Неелово</i>	<i>Nietchlebice</i>
<i>Неурожайка</i>	<i>Neúrodovka</i>

Приведенные названия имеют богатое информативно-оценочное содержание. В его основе – отрицательная характеристика социальных условий крестьян и, по сути дела, всей России. Переводчик дает ту же самую характеристику посредством типичных словацких названий, например, названия словацких деревень с окончанием на *-y*, *-e*, *-a*. Также в Словакии, как и в России, имеются географические названия с тождественным окончанием на *-o*. Так как собственные имена в поэме Некрасова наделены в преобладающем большинстве отрицательно-оценочным фоном, то и их перевод на словацкую лексико-грамматическую основу представляется вполне целесообразным и даже желательным. Переводчик соблюдает этот творческий прием и в случаях, когда названия близки – *Несытово – Brdárska Psota*. В поэме в рассказах отдельных персонажей повторяются тройные названия – *Испуганная губерния, уезд Недыханьев, деревня Столбняки – Gubernia Zľakaná, Nedýchanovský okres, dedina Vražobník*. Интересным нам кажется перевод слова *Столбняки*. В русском языке слово «столбняк» толкуется как ‘состояние полной неподвижности’ и как ‘заразное заболевание, сопровождаемое резкими судорогами’ (Ож.). В «VRSS» оно переведено как «*meravosť, zmeravenie*» и как «*tetanus*». Слово *Vražobník* (*vražda* – убийство), таким образом, соответствует семантике, которая содержится в слове *Столбняки*. И на этом месте требуется показать данные примеры в свете позиций словацкой переводческой школы (Ferenčík, 1982). Как видно, каждый переводчик имеет возможность достичь этнолингвокультурной адекватности тем, что соблюдает общий содержательно-оценочный план оригинала, перевода и аксиологически нейтральные названия в экспрессивно-оценочные. Так, в примере – *Шли в село Кузьминское. – Šli do dediny Šudierca*. – словацкий перевод явно превышает экспрессивность оригинала. Название *Кузьминское* в русской топонимии существует, однако без встречающейся в переводе экспрессивности. Иные географические названия в поэме имеют свой народный и просторечный вариант, фон которого трудно переносится в язык перевода. Переводчик в таком случае его пропускает – *Ты в Питер не ходи. – Nechod ty do mesta*. Подобные пропуски наблюдаются и у других словацких переводчиков. Но встречаемся и с простой транслитерацией – *Живал когда-то в Питере. – Kedysi býval v Pitere* (Некр.). Определенный комментарий, наверное, должен сводиться к тому, что в русской среде сокращенная форма от Петербурга *Питер* вызывает богатые ассоциации. От данного слова образованы иные лексемы – «питерцы», «питерский».

Богатым этнолингвокультурным фоном наделены также многие географические названия у Салтыкова-Щедрина. Его роман *«Пошехонская старина»* переведен (Разусова-Мартакова) посредством словацкой этнокультуры – „*Kocúrkovská starina*“ (комедия „*Kocúrko*“ Я. Халупки). Чешский перевод соблюдает форму оригинала. Хочется добавить, что Салтыков-Щедрин дает комментарий к слову *Пошехонье* – его жители «в трех соснах заблудиться способны». В словацком переводе этнокультура *Kocúrko* употребляется во всем тексте – *глушь Пошехонья – tramtária Kocúrko, пошехоское раздолье – kocúrkovská voľuška*. Но другие собственные имена в данных переводах меняются – словацкий переводчик не переводит фамилию главного персонажа, а чешский переводчик ее переводит: *Я Никанор Затрапезный, принадлежу к старинному пошехонскому дворянскому роду. – Ja, Nikanor Ztrapezný, patím k starobylému kocúrkovskému rodu. – Ja, Nikanor Zaseděl, pocházím ze starého pošechnského rodu*. В словаре Ожегова слово *затрапезный* толкуется как ‘повседневный, уже заношенный’. В романе носитель этой фамилии ассоциируется с чем-то старым, пассивным, отсталым и усидчивым. Чешский переводчик решил данные характеристики охватить посредством типичной формы чешских фамилий на *-l* (*Dostál, Vytlačil, Brousil, Prášil*). При актуализации подобных географических данных переводчики заменяют собственные имена другими описательными выражениями – *Из Пемербурга в Саратовскую губернию. – Cestuje z Petrohradu do Saratovskej gubernie. – Cestuje z hlavného mesta do juhovýchodného kraja*.

В связи с именами и фамилиями главных персонажей переводчик всегда стоит перед выбором – что переводить, а что нет. Это видно при переводе около сорока фамилий в рассказе Чехова «Лошадиная фамилия», где фамилии, образованные от основы слов *конь, кобыла* получают и в словацком языке тот же вариант – они на словацком языке оформляются лишь грамматически: *Коненко – Kopenko; Кобылев – Kobyljev*. Это касается и других фамилий, которые образованы от тождественных лексем: *Тройкин – Trojkin; Овсов – Ovsov; Жеребников – Žrebčikov; Жеребковский – Žrebkovský; Жеребкович – Žrebkovič; Жеребенко – Žrebenko; Коняевский – Koňavský* и т. д. Иначе обстоит дело с авторскими фамилиями, образованными от русских лексем, которые полностью отличаются от словацких. Словацкие переводчики в данном случае, на наш взгляд, удачно переводят эти фамилии чаще всего калькированием: *Табунов – Čriedovský, Стадов; Рысистой – Klusákov, Klusovský; Меринов – Valachovič, Valachov; Чересседельников – Chomútovič, Popruhov* (черес-

седельник – *popruhový remeň*); Присяжнин – *Náručníkovi, Pripražnov* (присяжной – *prípražnový*).

Известно, что словацкому слову *kôň* соответствуют чаще всего русские слова *лошадь* и *конь*. При фамилиях с основой от слова «лошадь» словацкий переводчик (Szabová) прибегает к словотворчеству именно на базе приведенной словацкой лексемы и, таким образом, в словацких переводах приведенного рассказа «Лошадиная фамилия» фамилий с основой «*kôň*» больше: *Лошадицкий – Koňovský, Лошадинский – Koňovinský, Лошадевич – Koňovič, Лошадкин – Konín, Лошадский – Konický*.

Проиллюстрированные авторские фамилии нам показывают словотворческий и коммуникативный потенциал любого языка. Чехов использует его в своих рассказах часто с той целью, чтобы дать первичную характеристику своих персонажей. В его рассказах доминирует черта комическая, пародийная. Данный прием содержится и в других его известных произведениях. Словацкие переводы в большинстве случаев соблюдают в соответствующей мере замысел писателя: *Хрюкин – Krochkin* (*хрюкать – krochkať*), *Шкалик – Flaškovič* (*шкалик – štamperlík*, в разговорном стиле – *flaštička vodky*), *Размахайкин – Kývajkov, Собакин – Psiskov, Смычков – Sláčikov*.

Нами приведенные примеры показывают в общем точные и удачные переводы, которые соответствуют авторскому намерению Чехова. В некоторых случаях переводчик подбирает слова с другой основой, чтобы приблизить замысел оригинала. Фамилия главного представителя рассказа «Хамелеон» надзирателя *Очумелова* образована от глагола *очуметь* – ‘потерять соображение, одуреть’ (Ож.). В одном из словацких переводов (Takáčová) его фамилия переведена как *O’apilov*, что достаточно передает значение русской лексемы, стоящей в основе фамилии *Очумелов* (хотя и в словацком языке имеется подобный глагол – *čumieť*).

Многие произведения русской литературы принадлежат к мировому культурному богатству. Их образы и главные герои актуализируются в каждой эпохе. Характер и профиль некоторых из них оживляется в наше время в связи с такими явлениями, как приватизация и спекуляция. Непревзойденным образцом спекулянта, который оживляется и в наше время, является образ Остапа Бендера из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Реминисценции из этого романа появляются в русской и словацкой печати. В романе «Золотой теленок» большинство фамилий наделено определенным сатирическим замыслом авторов, что удачно соблюдает и словацкий переводчик романа (Ferenčík). Фамилия *Талмудовский*, образованная от слова *талмуд* (одна из священных книг евреев),

имеет тот же вариант в словацком переводе – *Talmudovský*. Аналогично переведены и другие фамилии: *Паниковский* – *Panikovský*; почти калькой можно считать следующий пример: *Сахарков* – *Sladenkov*. Обратим внимание на следующий перевод: *Дрейфус* – *Drajfúz*. Эта фамилия (в русском варианте) больше известна из знаменитой аферы во Франции в начале 20-го века, когда молодой офицер еврейского происхождения был обвинен в шпионаже, и на его защиту выступили видные представители культуры, искусства, науки. Нас заинтересовал словацкий вариант – словацкий переводчик не перенес фамилию *Дрейфус* в словацкий текст в первоначальном виде может быть потому, чтобы у словацкого читателя не появились ассоциации с вышеупомянутой историей. Можно лишь догадываться о происхождении фамилии из русского оригинала. Самое близкое слово – это глагол *дрейфить* – ‘трусить, отступать перед трудностями’ (Ож.), что может соответствовать общему отрицательно-критическому направлению автора к своим персонажам. Хотя словацкий вариант данной фамилии исходит из другой лингвистической основы, но соблюдает сатирический тон оригинала.

Фамилии других героев романа тоже наделены комизмом, который содержится и в переводе: *Полыхаев* – *Platenev* (отмечается темперамент директора фирмы). Сказочная фамилия *Крепыш* (от слова *крепкий*) находит адекватный вариант в словацком национальном фоне – *Valibuk*. Фамилия *Хворобьев* – *Svrabcov* удачно калькирована (к словам *воробей* – *vrabec* добавляются еще фонемы */x/, /s/*). Этнокультурным русизмом, известным из русских народных преданий, остается в словацком тексте следующая фамилия: *Соловей разбойник* – *Zbojnik Solovej*. В русском языке иногда в определенных стилистико-прагматических целях употребляются архаизмы из религиозного и церковнославянского фона. Напомним тут известное: *Глас вопиющего в пустыне* – *Hlas volajúceho na púšti*, слово *глас* – церковнославянизм. Аналогично употребляется в русском языке слово *плоть*. В словаре Ожегова оно отмечено как устаревшее и обозначающее ‘то же что и тело’. В романе выступает персонаж с фамилией *Плотский-Поцелуев* – *Tielko-Pocelujev* (явный намек на страсти носителя фамилии). Фамилия *Поцелуев* встречается тоже в «Мертвых душах» Гоголя – на словацкий язык она переведена словом *Pyštok*. Как видим, словацкий вариант представляет словацко-русскую лексическую комбинацию, но он лишен оттенка архаичности. Следующая пара: *Лоханкин* – *Ranvičkin* (*лоханка* – ‘посуда для стирки белья, мытья посуды, сливания жидкости’) представляет результат переводческих поисков. Характеры других героев романа представлены также в оригинальных фами-

лиях: *Скумбриевич – Makrelovič* (скумбрия – *takrela*), *Парусинов – Vetrilov* (хотя основы отличаются – *парус, vietor* – но соблюдается общий смысл, чувствуется ассоциация со словацким *vetroplach*). В следующем примере переводчик оставил антропонимический и географический русизм, несмотря на то, что имеется явная возможность для создания подходящего словацкого варианта: *Нидерландюк – Niderland'uk* (на основе: *Нидерланды – Holandsko* мы себе позволим предложить словацкий вариант: *Holand'uk*). В дальнейшем случае с чисто лингвистических позиций русский вариант мог остаться и в словацком тексте, но переводчику понравилась замена: *Серпа Михайловна – Gazela Michajlovna*.

Собственные имена существительные всех видов имеют свою этимологию. Ее иногда трудно толковать в наши дни, так как потеряна историческая связь с первоисточником. В переводческих связях учитывается феномен собственных имен, и их перевод во многих случаях можно считать функциональным – в первую очередь это относится к авторским антропонимам из художественных произведений, так как в именах и фамилиях многих литературных персонажей заложена авторская характеристика последних. Многие авторские имена, ставшие нарицательными, открывают некоторые типичные стороны конкретной этносоциальной среды (*хлестаковицина, чичиковицина, koc'urkovč'ina*). Как показывают наши примеры, переводятся в первую очередь фамилии персонажей сатирических произведений. Как показывает Дилакторская (1998), фамилии литературных персонажей кодируют в себе глубокие замыслы авторов, которые не так легко понять читателю. Анализируя такие фамилии героев Достоевского как *Девушкин, Прохарчин, Незванова, Разумихин*, она говорит: «в каждой заключена сердцевина смысла всего образа» (с. 11). В фамилии *Ферфичкин* («Записки из подполья») автор открывает, что она происходит из немецкого слова *verfitzen* – ‘приводить в беспорядок, спутывать, мешаться’. Достоевский, по мнению автора статьи, «подчеркивает, что характер Ферфичкина не может быть согласован с типом традиционного немецкого характера. Он порывист, дерзок, скандален» (с. 13). Естественно, что добраться до таких деталей способен только специалист. Они могут быть скрыты и перед переводчиком, а если он их выявляет, то стоит перед вопросом о целесообразности их перевода. Принципиальным правилом считается соблюдение собственных имен по всю жизнь человека. Это относится и к именам литературных персонажей. Наши примеры показывают, что эти принципы часто нарушаются. В современной публицистике имена и фамилии употребляются часто в деформированном виде. Это свидетельствует о нравственных качествах

эпохи, о негативных взаимоотношениях, особенно видных деятелей, и не в последнюю очередь это и зеркало этики современных журналистов.

Литература:

ГАЧЕВ, Г.: Национальные образы мира: Космо. Психолог. Логос. Москва «Прогресс»-«Культура» 1995.

ДИЛАКТОРСКАЯ, О. Г.: О значении фамилии «Ферфичкин» в «Записках их подполья» Ф. М. Достоевского. // «Русская речь» 1998/1, с. 11–14.

ДУЙЧАК, М.: Антропонимія українців східної Словаччини. // «Дукля» 1996, с. 58–61.

ОЖЕГОВ, С. И.: Словарь русского языка. Москва 1953.

FERENČÍK, J.: Kontexty prekladu. Bratislava 1982.

HEČKO, V.: Dobrodružstvo prekladu. Bratislava 1991.

HOCHEL, V.: Preklad ako komunikácia. Bratislava 1990.

LEVÝ, J.: Umění překlada. Praha 1983.

POPOVIČ, A.: Teória umeleckého prekladu. Bratislava 1975.